

народа, идеальной паствы, для которой окружающий Божий мир предстает как церковь (с. 85) Этот народ однозначно положителен, однозначно ортодоксален, и в общем, пассивен. Этот народ, πληθος, трактуемый как народ Божий, привносит в историю идеальное начало.

И.В. Кривушин отмечает, что Сократ, Созомен и Феодорит "выступают как выразители трех разных течений христианской мысли V века, первое из которых ориентируется на идею сближения церкви и общества (Сократ), второе — на идею государственного руководства церковной жизнью (Созомен) и третье — на

идею независимой от мира церкви (Феодорит)" (с. 96). Автору аннотируемой монографии удалось выявить специфику интерпретации исторической роли народа в каждом из названных историографических направлений на примере их первых крупных представителей. Следует отметить как положительный и тот факт, что аннотируемая работа — первая (и надеюсь, не последняя) книга по истории Византии, подготовленная в Ивановском университете и опубликованная в городе Иванове.

О.Р. Бородин

Soustal P. Thrakien (Thrakë, Rhodopë und Haiminontos) // *Tabula Imperii Byzantini*. Wien, 1991. Bd. 6. 580 S. 2 Kart.

Капитальный труд австрийского византиста П.Сустала тематически продолжает историко-географическую серию, публикуемую в рамках проекта "Tabula Imperii Byzantini" (ТИБ) с начала 70-х годов. В "Византийском временнике" уже давалась весьма положительная оценка как принципов составления этого сериала, так и содержания нескольких его книг¹. Поэтому при анализе монографии о византийской Фракии попутно сделаем некоторые наблюдения, которые, на наш взгляд, подкрепляют подобную оценку.

В соответствии с принципами издания, композиция книги не отличается от построения предшествующих выпусков ТИБ, — за исключением того, что здесь не приложены фотографии или планы исторических памятников, описываемых в леммах (как это сделано в других томах сериала²). Однако данное обстоятельство вполне объяснимо трудностями, с которыми автору пришлось иметь дело при работе на местах расположения объектов (см. с. 7).

Предмет историко-географических штудий Сустала — территория, охватывавшая в ранневизантийский период провинции Родопа, Фракия и Эзимонт (названия которых в средне- и поздневизантийское время отразились и в местном церковно-территориальном делении). Провинция Европа (юго-восток бывшей римской провинции Фракия) будет рассматриваться в выпуске ТИБ, посвященном региону Мраморного моря (с. 47). В соответствии с принципами сериала фиксируются границы исследуемой области, дается анализ применявшейся для ее

обозначения терминологии (фактически — со времен Гомера). Характерная для Сустала осторожность в работе с источниками и литературой проявляется и здесь. Не ставятся, например, точки над "i" в определении границ учрежденной к концу VII в. фемы Фракия и организованной на рубеже VIII-IX вв. фемы Македония. Очень корректно отношение к данным о военно-административных реалиях изучаемого периода, содержащиеся в "Тактиконе" Икономидиса (ср. с. 50, 92-93, 162-163, 203 и др.) и т.д. Отметим также, что аналогичен подход и к сведениям о церковном делении Фракии X-XII вв. (с. 127). Историко-географические реалии, имеющие место в очерках, предваряющих Лептата, очень жестко скоррелированы с аналогичным материалом самих лемм.

Периодизация "исторического и административного развития" Фракии в монографии (глава С) достаточно традиционна. Отметим, что Сусталь счел нужным констатировать два обстоятельства, очень важных для характеристики римского периода истории страны, — сохранение прежней системы управления сельским хозяйством при организации провинции Thracia и независимость некоторых стратегий (как сельских территориальных единиц) от урбанизации даже во II в. (с. 61). Эти факты — несомненное свидетельство исконной мощи местных общинников.

Весьма четко обрисована в разделе, посвященном позднеантичному периоду в истории региона, картина конфронтации между Византией и варварами — готами, гуннами, булгарами, славянами, аварами, кутригурами и утигурами. Уточним здесь лишь данные о первом появлении болгар в Византии. Согласно глоссе к тексту болгарского перевода "Хроники" Константина Манасси, болгары появились на Дунае в 475 г., перешли реку у Видина и начали занимать землю Охридскую, а затем

¹ См. рецензии М.В.Бибикова и В.П.Степаненко (ВВ. 1993. Т. 54. С.200-206)

² См., например: Hild F., *Hellenkemper H. Kilikien und Isaurien* // ТИБ. Wien, 1990. Bd. 5. Т. 1-2; Belke K., *Mersich N. Phrigien und Pisidien* // ТИБ. Wien, 1990. Bd. 7.

и остальную³. Булгары эти были приглашены Византией для борьбы с остготами⁴. Сусталь же (применительно к данному сюжету) лишь четко датирует использование булгар против готов зимой 480-481 гг. (с. 68). 493-м годом датирует Сусталь и вторжение булгар во фракийский диоцез, когда они убили магистра войск Юлиана; но в литературе есть и иная дата — 491 г.⁵

В разделе III главы С кратко изложена история Фракии от вторжения славян до христианизации Болгарии, в том числе — основные этапы славянских вторжений на Балканы, образование славянской, формирование Первого Болгарского царства и его отношения с Византией до Василия I. Судьбы собственно Фракии, в частности, церковная организация Эммонта по нотациям соборов 680-681 и 691-692 гг. (с. 81) здесь — на втором плане. В разделе IV (с. 86-95) автор столь же сжато излагает политическую историю Фракии от крещения Болгарии до падения Первого Болгарского царства. Основная тема раздела — Фракия как болгаро-византийское пограничье и изменения границ двух государств в данном районе в зависимости от исхода очередного этапа византийско-болгарских войн IX — начала XI в. В этом контексте как самостоятельный вопрос рассматривается и структура византийской провинциальной администрации на территории Фракии по "Тактикону" Икономидиса (с. 82-83).

Раздел V целиком посвящен проблемам истории византийской администрации на территории Фракии после падения столицы державы Охриды и реформ Василия II. Автор отмечает восстановление старых и появление новых фем — Паристриона (возникшего еще в X в. в результате войн Цимисхия), Болгарии (с центром в Скопье), Сирмия, Македонии (с центром в Филиппополе), Смолена, Валерона. Стали более позднего времени, когда Балканы стали ареной действий византийцев против печенегов, узов, куманов, Сусталь намечает наиболее существенные этапы этих войн (применительно к Фракии). Отметим, что в данном разделе не использована достаточно авторитетная работа П. Диакону, посвященная именно отношениям между Византией и печенегами⁶.

Раздел VI хронологически охватывает события, происходившие во Фракии накануне возникновения Второго Болгарского царства

и вплоть до гибели Латинской империи (с. 99-109). География византийской части Фракии характеризуется по хрисовулу Алексея III Ангела, данного Венеции (1198 г.) Заслуживают внимания наблюдения Сусталь над судьбами Фракии в контексте Partitio Imperii Romaniae и поледующей борьбы за передел византийского наследия между Болгарией, Фессалоникским королевством и Латинской империей. Аналогичен характер изложения материала в разделе VII, где рассматриваются отношения Болгарии, Сербии и Византии на фоне усиливающихся ордынских вторжений во Фракию, а также судьбы образовавшихся на византийско-болгарском пограничье буферных, преимущественно болгарских владений (Мицо, Смилеца, Войсила и др.). Сусталь достаточно обоснованно дает демаркацию византийско-болгарской границы во Фракии в правление Миханла Шишмана и Ивана Александра (с. 109-117).

Наконец в последнем, восьмом разделе главы С автор излагает хронологию османского завоевания Фракии с участием турецких отрядов в гражданской войне Иоанна IV Кантакузина и Иоанна V Палеолога до взятия Цимпе османскими войсками. Последующая история Фракии — это история османской экспансии в регионе до падения Адрианополя в 1363 г. и утраты Византией ее последних владений на Балканах (с. 117-124).

В главе D дана история церковных епархий на территории византийской Фракии, приведен их список (с. 127). Здесь же перечислены известные монастыри региона. Бросается в глаза однозначность тезиса автора относительно судеб Бачкова монастыря: "По воле основателя монастырь был предназначен исключительно для его грузинских соотечественников. Бачков монастырь, ставший значительным центром грузинской культуры, долгое время оставался населенным только грузинами, и лишь в XIV в. там расцвела византийская и болгарская культура" (с. 129). В данном случае Сусталь, естественно, не мог вдаваться в полемику относительно соотношения греческой, грузинской и армянской версий типика монастыря, как, впрочем, и этнической принадлежности его основателя. Но указать на точки зрения (Р.М.Бартикяна, В.А.Арутюновой), не совпадающие с авторской интерпретацией данных моментов, было бы желательно хотя бы в рамках соответствующей леммы (с. 475-477)⁷.

⁷ Ср.: Шанидзе А.Г. Грузинский монастырь в Болгарии и его типик. Грузинская редакция типика. Тбилиси, 1971; Типик Григория Пакуриана / Введ. пер. и коммент. В.А. Арутюновой-Фиданян. Ереван, 1978; Бартикян Р.М. Об армянской памятной записи в грузинской рукописи, содержащей типик Григория Пакуриана // ВОН АН Арм.ССР. С 97-101; Ломоурн Н.Ю. К истории грузинского Петрицинского монастыря. Тбилиси, 1981.

³ См.: Сиротенко В.Т. Две болгарские глоссы в свете письменных источников // УЗ Перм. Гос. ун-та. 1964. № 117. С. 77, 88, 91; Он же. История международных отношений во второй половине IV — начале VI в. Пермь, 1975. С. 228.

⁴ Joh. Ant. Fragm. 211 (4) // Fragmenta Historicorum Graecorum. T. IV. P. 619.

⁵ Сиротенко В.Т. История международных отношений... С. 245.

⁶ Diaconu P. Les Petchenegues du Bas-Danube. Bucuresst, 1970.

Крайне интересен очерк истории дорожной сети Фракии. Здесь отмечено несколько направлений дорог, в частности — (А) диагональный маршрут Сердика — Константинополь; (В) юго-запад — северо-восток (дороги, связывающие Филиппополь с другими районами Фракии); (С) запад—восток, т.е. от Сердики к черноморским портам; (D) север — юг (наиболее густая сеть дорог, ведущая через территорию Фракии к проливам) Показательно, что автор специально оговаривает невозможность (на сегодняшний день) точного представления о сети сухопутных коммуникаций в изучаемой зоне в рамках IV—XIV вв., что полностью отражается в зачастую гипотетических локализациях путей, горных проходов и т.п., разбираемых в *Lemmata*. К стати говоря, в основу схемы сухопутных коммуникаций Фракии положены принципы, разработанные Ф. Хильдом применительно к системе дорог средневековой Каппадокии⁸.

Очерк экономической жизни (с. 149-155) наглядно демонстрирует относительную скудость сведений письменных источников о сельскохозяйственном, ремесленном и торговом развитии средневековой Фракии. Однако вслед за рядом исследователей Сусталь уверенно называет земледельцев страны ранневизантийского времени свободными, отводя роль колоннов представителям пришлого населения (с. 149). Думается, что это — явно упрощенный взгляд⁹. Отрадно, что наблюдения О. Дэвиса относительно горнорудных центров Фракии и развития ее металлургии скорректированы в рецензируемой книге выводами новейшей литературы и данными средне- и поздневизантийского периодов. Однако трудно понять, почему очерк о состоянии фракийского ремесла в IV—XIV в. вместили в девять строк и включил в себя лишь реалии записей Антония Барберия (60-е годы XIV в.). И это — при наличии массы археологических и разрозненных письменных данных о тамошнем ремесленном производстве, приведенных прежде всего в болгарской литературе, которую исследователь хорошо изучил и на которую ссылается по иным поводам в других разделах книги¹⁰.

⁸ Hild F. Das byzantinische Straßensystem in Kappadokien. Wien, 1977.

⁹ Тем самым мы, однако не оспариваем наличия во Фракии ранневизантийского времени мощного слоя свободного крестьянства. Примечательно, что очерк истории развития здесь монастырской жизни (процесс, сигнализирующий наряду с прочим о неблагоприятии в положении общинников) Сусталь начинает с материалов 40-х годов IX в. (с. 128). Как известно, с середины IX в. в Византии начался бурный рост светского и церковного землевладения.

¹⁰ См., например, работы Д. Кончева, С.Г. Георгиевой,

Вместе с тем работы Сусталья и его коллег вряд ли следует называть просто "атласами-каталогами"¹¹. 845 скрупулезно выполненных лемм, играющих роль комментариев к картам (составление которых в конечном счете — главная цель проекта ТИВ) и занимающих наибольшую часть издания, несмотря на подчеркнуто справочную форму, в своем содержании и в способе корреляции с картами содержат серьезный анализ собранного материала.

Простейший пример: топонимы, исторически раскрываемые в леммах, только тогда заносятся на тематическую карту, если месторасположение объектов (городов, монастырей, троп и т.п.) фиксируется абсолютно точно или с высокой степенью вероятности. Надо сказать, что при составлении лемм Сусталь столкнулся со значительными трудностями, так как топонимы Фракии неоднократно меняли свои собственно фракийские значения на греческие, позже — латинские, вновь греческие, болгарские, византийские и турецкие и, после обретения Болгарией и Грецией независимости, вновь болгарские и турецкие. Значительная часть болгарской топонимики изменилась после 1945 г. Продолжается ее изменение и в наши дни. Как следствие, само название леммы определяется прежде всего состоянием топонима в источниках византийского времени, причем греческому (в основном средневизантийскому) названию историко-географического объекта отдается предпочтение перед славянским, арабским, тюркским или западным. В конструировании леммы в некоторых случаях можно усмотреть неопределенности. Так, например, средневизантийское наименование "клизуры Св. Василия" (данное в заглавии леммы) наверное окончательно сложилось не ранее X в., а позднеантичные названия Траяновых Врат — *Succi, Σούκεις* — четко фиксируются до последней четверти IV в. (с. 190). Топоним *Σούεις* в латинской транскрипции стоит в титуле ламмы за топонимом *Succi* Отчего так? И можно ли относить оба топонима к истории Византии? Ответ очевидно надо искать в том, что Сусталь (как и его коллеги по проекту ТИВ) называет период IV—VI вв. "позднеантичным и ранневизантийским временем" (с. 62). С другой стороны, венецианский топоним *Periteorium* в терминологической расшифровке титула леммы "Περιφέριον" вообще отсутствует (в отличие от именования "Buru Kale") — видимо потому, что крайне редко встречается в источниках (фактический материал на этот счет приведен Сусталем тщательно) (с. 394). То же самое происходит с венецианским топонимом *Mesembre* (ср. с. 355-

Д. Аладжова, Ж. Вахаровой, Д. Димитровой, Б. Димитрова, Ж. Попова.

¹¹ См.: ВВ 1993. Т. 54 с. 200.

356). Примеры можно множить, но главное, что вариантов такого рода "неопределенностей" наверное столько же, сколько трудностей в обработке каждой группы топонимов, соотносимых с конкретным объектом. Состояние же подобной группы, в свою очередь, определяется состоянием источников.

Уже на этом примере (касающемся только композиции титула леммы) видно, какую гигантскую исследовательскую работу проделал Сусталь, если учесть, что материал, приводимый в каждой лемме и анализируемый в ней, варьируется от трех-четырёх строк (см., например, "Iskrica" или "Kutson" — с. 399-404) до нескольких страниц ("Adrianupolis" — с. 161-167, "Philippopolis" — с. 399-404). К тому же многие пункты известны лишь по нарративным источникам и не могут быть локализованы, как, например, Гетринас (с. 267), Алексадрополь (с. 174), Анагон (с. 175). С другой стороны, во Фракии сохранилось много городищ, названия которых давно утрачены. В этих случаях Сусталь локализирует их относительно современных населенных пунктов, как, например, Бистреч-Биук-Бинар, Ботево, Бранеполе, Цар Асен (см. с. 207, 217, 218, 227).

Как и другие выпуски серии ТИВ, книга Сусталья содержит как бы два уровня библиографии. Первый — это основные работы,

список которых помещен в начале тома. Второй — работы, посвященные какому-либо вопросу, имеющему отношение к конкретному историко-географическому объекту (тогда работа указана в примечании к лемме) или вопросу, составляющему содержание какого-то очерка, расположенного перед Lemmata. Общая библиография очень внушительна, но сам исследователь не всегда обращается к перечисленным в ней работам. Так, в списке фигурирует работа Г.Г. Литаврина "Болгария и Византия в X—XII вв. М., 1960", тогда как в дальнейшем ссылок на нее нет.

К тому приложены две карты: Фракия в составе Болгарии, Греции и Турции; византийские памятники на территории Фракии. Судя по картам, в настоящее время в наибольшей степени изучена болгарская часть Фракии, тогда как турецкая и греческая части страны исследованы мало.

Для работы коллектива ТИВ в целом и трудов Сусталья в частности показательно возрастание объема выпускаемых ими томов. Излишне повторять, что вся эта серия является для историко-географических штудий вообще изданием эталонным, и рассмотренная нами книга лишь подтверждает данную точку зрения.

А.С. Козлов, В.П. Степаненко

Laiou A.E. *Mariage, amour et parenté à Byzance aux XIe—XIIIe siècles*. [Travaux et Mémoires du Centre de recherche d'histoire et civilisation de Byzance, Collège de France. Monographies 7]. P.: De Boccard, 1992. 209 p.

В новой работе известной исследовательницы А. Лайу семья рассматривается не как автономная биологическая единица, предназначенная для воспроизводства рода человеческого, а как социальный феномен, институт, создающий новые социальные группы и обеспечивающий социальную и политическую консолидацию различных слоев общества, в первую очередь господствующего класса. Автор подчеркивает, что родственные связи, возникавшие в результате нового брачного союза, задевали, как правило, интересы семей родственников новой супружеской четы, а когда речь шла об аристократии, — всего этого класса в целом (с. 9). Именно поэтому государство и церковь стремились контролировать матримониальные связи и именно поэтому матримониальная политика различных слоев византийского общества, особенно знати, попытки церкви и государства оказать давление на эту политику, а также стремление аристократии оказывать активное противодействие законодательным властям находится в центре внимания этой столь важной и интересной,

работы А. Лайу. Исследовательницу интересуют не столько способы приспособления византийцев к правовым нормам, касающимся брака, сколько противоречия между этими нормами и реальной действительностью.

Хронологические рамки работы — XI—XIII вв., однако отродно отметить, что она написана с учетом предшествующей и последующей эволюции брачных отношений в Византии, так что она имеет важное значение для изучения матримониальных связей в Византии вообще.

Источниковая база монографии необычайно широка. Это — законодательные памятники и сочинения юридического характера, постановления церковных соборов, данные сигиллографии, нарративные и агнографические памятники, письма, литература и т. д.

Книга состоит из введения, пяти глав, библиографии и индекса.

Глава I "Контроль над браком: аристократия и кровосмешение" (с. 21—66) посвящена изучению выработки новых правовых норм в отношении брачных союзов в XI—XII вв.